

Было это в самом начале шестидесятых годов. Тогда я брал материал в районную газету у знатного комбайнёра. В Отечественную - танкист, имел много боевых наград. Ему было что рассказать, так что знатная у меня тогда очерковая зарисовочка в номер ко Дню Победы получилась. Взяв материал, собрался уже уходить, но (ох уж эти хлебосольные селянки того времени: разве выпустят они из дома пришлого человека, не покормив его!) по настоянию хозяйки вместе с хозяином (категорично и беспрекословно!) за стол был усажен.

Когда перед щами по первой приняли, он разоткровенничался.

- Я тебе, сынок, про такое расскажу – только это у тебя ни одна газета не напечатает! Но ты пока уши-то не развешивай, а щи поспорее ухлобыстывай. Она у меня мастерица их варить, ей бы на фронте на генералов готовить – вся грудь бы в медалях была! – подковырнул он рядом стоящую хозяйку. И указание ей дал: - А ты пока нашу семейную фотографию принеси, пусть товарищ посмотрит.

- ...Как вот на этой пиле женился, гляди-ка, какая куча детей народилась. Которые тут мои, которые, может, нет, это ей лучше знать, а я всех за своих признаю! – при этом зримо-зримо заметно было: по привычке поддразнивает он свою, по всему было видно, любимую и благоверную супругу-то. А та, хоть, наверное, наслышалась уже таких подколов, но всё равно оправдываться при чужом человеке по женскому существу своему принялась:

- Не его?! А в кого же, мамоньки мои, они длинноносые-то такие, когда едят, носами аж в ложку тычутся? А уши у них по груздю, не меньше – это в кого?!

Нет уж, по-серьёзному заводить русскую селянку - себе дороже (в этом я потом не раз убеждался, особенно, когда сам женился!). А посему наш златоуст чуру запросил:

- Эка ты разошлась! А ещё, говорит, не пила. Пошутить уж нельзя. – Но всё же не удержался и с притворно скорбной миной съязвил безмолвно: вот-де что ему претерпевать приходится.

- А ты не задирайся! Неужели тебе не совестно будет, если чужой человек что худое про меня подумает? – проникновенно промолвила эта, по всему было видно, добрейшей души человек и по сию пору по-девичьи влюблённая в своего фанфарона-муженька, подкладывая нам в тарелки копчёного сальца. - А ты товарищу про какой-то случай хотел рассказать, а сам ни тпру ни ну!

Хозяин сразу посерьёзней:

- А случай такой: как вспомню – мороз по коже. Ты Брежнева-то вчера видел, как он награды вручал? Это по телевизору, а я его почти как вот тебя перед собой видел. Он тогда в нашей армии полковником был и по политической части служил.

- Ты сам-то закусывай, а то развезёт и не доскажешь товарищу, - вмешалась хозяйка и сказала это так задушевно и так любяще, чуть ли не по-матерински заботливо.

- Ничего не развезёт! Я уже к точке приближаюсь. Вот оно как тогда было. Наш взвод с придачей пехоты и разведчиков на разведку боем направили.

Со слов фронтовиков, поясню несведущим: это самый неблагодарный для его

участников вид боя. Потому что перед ними командованием такая задача поставлена: не оборону противника прорвать, а как можно больше шума перед наступающим наступлением надеть, как можно больше на себя огня вызвать и тем самым огневые точки противника выявить.

- И вот я на всей скорости мчу на своей тридцатьчетвёрке через передовую. Гляжу: прямо перед танком какая-то фигура замаячила, Ну я на тормоз сразу же и аж взмок: я, оказывается, полковника чуть-чуть не задавил! Тут солдаты то ли из окопа, то ли из землянки выскакивают, матерятся почём зря: что это, мол, танкисты совсем оборзели. Ну ты знаешь эту пехоту, как они к нам, ко всем технарям, относятся...

Тут уж и меня как бывшего командира стрелкового взвода заело:

- А куда вы в своём железном ящике без пехоты-то? До первого фаустника! Если, конечно, хотя бы одного пехотинца на броне нет и фаустника, этого змея подколодного, смазать из автомата некому.

- Это ты прав, сынок! - сразу же согласился со мной бывший командир танка и миролюбиво предложил: - Ну, давай за Победу! – и тут же опять спохватился: - А отец-то у тебя воевал?

- А как же! - говорю. - И отец, и четыре родных дяди, трое с ранами в костях и на теле и с орденами и боевыми медалями на груди возвратились, а один, дядя Ваня, там остался. Вот сколько раз с начала шестидесятых и по конец восьмидесятых ни брал бы материал в газету на военно-патриотическую тему, столько раз как бы на засыпку получал от фронтовиков этот же вопрос про отца. А как отвечу на него, ко мне сразу же отношение другое появлялось, и мои собеседники, по-мужицки скрытные, после этого «грудь нараспашку» становились, совершенно верно полагая, сын фронтовика – стало быть, свой. И если ли он, собеседник мой, что-то и не так скажет («ляпнет»), так свой-то всё как надо поправит и как надо напишет. А про остальное, что, как на духу говорилось, он это как бы мимо ушей пропустит.

Выпили, сальцом солёным закусили, и мой собеседник продолжил свой рассказ:

- Ну, а я только свернул - и напрямик на немца. Те, как слышали, стрельбу подняли: думают, наступление началось. А как с задания-то вернулся, слава Богу, никого не подшибли, мне и говорят: «Ну, парень, ты, видать, в рубашке родился! Ты же, дурная твоя голова, комиссара чуть не задавил. Как пить дать, под трибунал бы угодил. Да и солдаты тебе горяченьких ввалили бы!» А что? И ввалили бы! В нашей армии его уважали. Есть вон ведь, хоть и комиссар, а к нему не подступись. А про этого говорили: командиры знай себе командуют, а он рюмашечку примет - и айда на передовую. Сидит в землянке с солдатами и анекдоты травит. А солдаты: «Нам бы в баньку!». Будет вам баня, говорит. И смеётся: «Если только немцы меня не опередят и головомойку вам не устроят. Устоите?». «Устоим!» - отвечают. «Вот и ладушки. А насчёт баньки я распорядюсь». И точно! Такую баню сварганили – целыми взводами на помывку запускали. Слово держал своё, а таких солдаты уважали. Ну, давай по последней – на посошок. А то вон мой комиссар уже коситься на нас начинает.

-Так уж и коситься! – отпарировала «комиссар». - Как какой гость, он сразу же позорить меня принимается!

А у хозяина осечка вышла: за разговором-то мы уже перед этим всю бутылку выхлестали. Смутился. А хозяйка посмотрела-посмотрела на нас этак по-матерински сожалеюще, сходила на кухню, куда-то там слазила и самоотверженно перед нами полбутылки водочки поставила. Причём с напутствием: «Только закусывайте крепче!».

«Как в рубашке родился!..»

Автор: А. МУХОПТОВ,
08.05.2015 09:52 -

Вот уж воистину «Есть женщины в русских селеньях!..»

А напоследок вот что. Состоялось это у нас с ним в начале шестидесятых, когда Брежнев был вторым человеком при Хрущёве. Вторым секретарём ЦК и Председателем Президиума, но скромным-скромным. А вот поведал ли бы мне про тот случай мой собеседник лет через двадцать, когда тот лихой полковник маршалом стал и всю грудь орденами себе завесил?..